

Глава 45. Жениться — дело непростое. Часть 1

Су Линцзюнь вернулся в избушку лишь к сумеркам. С порога он наткнулся на жалобный, полный немого укора взгляд Ляня Уцзю. От этого зрелища клокотавший в душе гнев необъяснимо утих.

— Чего тебе? — уже мягче спросил он.

Уцзю процедил сквозь зубы, разделяя каждое слово:

— Я. Целый. День. Ничего. Не. Ел!

«Бросить раненого на произвол судьбы... Ну и злопамятен же ты, братец Су», — подумал он с тоской.

Линцзюнь тут же помрачнел.

— Думаешь, один такой? — огрызнулся он. — Я тоже с утра маковой росинки во рту не видел! Да и сам весь в синяках и ссадинах. Мне бы тоже не помешал уход!

Уцзю промолчал. Некоторое время он о чём-то напряжённо размышлял, а затем тихо произнёс:

— Помоги мне подняться. Сам схожу за едой.

Вид чужих вымученных попыток подняться лишь распалил Линцзюня пуще прежнего. Он бесцеремонно прижал раненого обратно к постели.

— Лежи уже, — буркнул он, вытаскивая из дорожного мешка увесистый сверток. — Всё я купил. На, держи.

Уцзю по-прежнему лежал на животе. Пытаться есть в такой позе — сплошное мучение: малейшее движение отзывалось в израненной спине вспышкой острой боли.

После долгих и безуспешных попыток устроиться поудобнее он совсем выбился из сил. Лоб покрылся испариной, дыхание стало частым и прерывистым.

Линцзюнь со вздохом примостился на краю кровати. Одним ловким движением он перевернул страдальца на бок, забрал у него коробку с едой и, подцепив палочками сочный кусок куриного филе, бесцеремонно запихнул ему в рот.

От такой напористости Уцзю растерялся. Измазав губы жиром, он наотрез отказался глотать и

невнятно промычал:

— С-сейчас выплюну...

Линцзюнь округлил глаза. В этот миг ему больше всего на свете хотелось придушить этого упрямца, но, разглядев бледное, перекошенное лицо друга, он всё же подставил пустую плоску. Уцзю с облегчением избавился от злосчастного куска.

— Ты же не на сносях, чего тебя тошнит-то? — ядовито осведомился Линцзюнь.

Уцзю виновато поглядел на него:

— Да не тошнит меня... Я просто куриную кожу не выношу. Стоит проглотить — наизнанку вывернет. Мерзость.

От этих слов Линцзюнь помрачнел ещё сильнее.. Сердито орудуя палочками, он принялся потрошить птицу: сдирал кожу, выковыривал кости, пока не осталась лишь чистейшая мякоть, словно для грудного младенца. Только после этого кормление продолжилось.

Обед пошёл в бешеном темпе. Никогда в жизни Уцзю не приходилось есть с такой скоростью. У него просто не оставалось времени перевести дух — куски летели один за другим, и он едва успевал глотать. Когда коробка наконец опустела, Уцзю обессиленно откинулся на подушку и выдохнул:

— Сиделка из тебя... паршивая.

— Скажи спасибо, что вообще кормлю, — фыркнул Линцзюнь. — Стал бы я ещё перед кем-то так распинаться.

— Ты злишься, — уверенно констатировал Уцзю.

— Ещё как.

—... С чего бы?

— Настроение такое.

—... Тебе... приглянулась та девушка-лекарь? — осторожно спросил он.

«Неужели тебе приглянулась та девица? В народе ведь говорят: на жену друга не заглядывайся. К тому же, эта прелестная целительница...» — заволновался Уцзю.

Стоило вновь вызвать в памяти её нежный образ, как он густо покраснел.

«Она ведь поцеловала меня прямо в губы... Наверняка это из-за чувств!»

Линцзюнь, заметив мечтательный взгляд и глупую улыбку на лице раненого, шумно выдохнул, пытаясь сдержать раздражение.

— Мир полон глупцов, но ты превзошёл их всех! Даже не надейся, ничего у вас не выйдет. Какая приличная барышня пойдёт под венец лишь из-за случайного поцелуя? Тебе для этого нужны либо горы золота со знатным титулом, либо ангельское терпение. Да и вообще... с чего ты взял, что её интересуют мужчины?

Но Уцзю не желал так просто сдаваться. Это ведь был его первый поцелуй... осознанный, настоящий!

— Почему же не выйдет? — упрямо возразил он, расплываясь в блаженной улыбке. — Мы уже разделили близость, к тому же оба врачуем. По-моему, идеальная пара...

Линцзюнь безжалостно щелкнул его по лбу, разбивая хрупкие грёзы в прах:

— Вот разбогатеешь сначала, тогда и будешь мечтать.

Уцзю призадумался. Друг был прав: без гроша в кармане невесту в дом не приведёшь. Чего Линцзюнь никак не мог предвидеть, так это того, с какой серьёзностью Уцзю воспримет его брошенную в сердцах фразу. С этого самого дня в душе юного лекаря укоренилась великая цель: заработать целое состояние и взять красавицу в жёны!

За хлопотами и лечением Уцзю совершенно позабыл о поручении Призрака. Лишь на третий день, когда они уже собирались покинуть хижину, от того пришёл спешный запрос:

[Как успехи со снадобьями?]

[Если всё готово, срочно возвращайтесь в гильдию]

Уцзю растерянно хлопнул себя по лбу:

— Совсем из головы вылетело...

— Даже если бы ты помнил, толку-то? — резонно заметил Линцзюнь. — С твоей-то спиной по горам за травами не побегаешь.

— Твоя правда. Думаешь, мы ещё успеем?

Линцзюнь быстро начертил ответ Призраку. Полученное вскоре письмо заставило Уцзю облегчённо вздохнуть.

— Пока идут только сборы. В твоём распоряжении ещё два дня.

— Вот и славно, — повеселел Уцзю. — Двух дней мне хватит с головой.

— С чего такая уверенность? — усомнился Линцзюнь. — Нам вообще-то нужно снабдить войско в пятьдесят тысяч сабель...

Уцзю оцепенел, разинув рот от изумления.

— Обычное варево можешь даже не трогать, — продолжил Линцзюнь. — В гильдии лекарей пруд пруди, простыми снадобьями они бойцов обеспечат. Твоё мастерство куда тоньше. Сосредоточься на редких эликсирах и сильных ядах. Делай сколько успеешь — и то хлеб.

— Договорились, — закивал Уцзю. — А ты? Сам-то отправишься на битву? Да, кстати... как ты вообще оказался тогда у моей избушки? И кто были те нападавшие?

Линцзюнь смерил его недовольным взглядом, но затем смягчился:

— Нашёл тоже, хранителя покоя... Я просто без дела слонялся по улицам города, когда заметил тебя. А заодно и хвост, который за тобой тянулся. Любопытство одолело, решил проследить. Те головорезы шли именно по твою душу. Кому ты успел насолить, недотёпа?

Уцзю промолчал. Лишь вздохнул, подхватил корзину, серп для трав и тихо выскользнул за порог, направляясь к горным склонам.

Линцзюнь не спешил возвращаться к делам. Он добровольно взял на себя роль заботливой няньки: вовремя подавал еду, приносил чистую воду, а в остальное время молча наблюдал за тем, как Уцзю колдует над ступками и тиглями. При этом он ни на миг не терял бдительности, готовый в любую секунду отразить нападение таинственных преследователей.

— Фух... Всё. Травы закончились, — устало выдохнул Уцзю, буквально оседая на глиняный пол.

Перед Линцзюнем выстроились ряды склянок — плоды изнурительного труда последних дней. За это время Призрак прислал не одно гневное послание; похоже, на фронте дела принимали нешуточный оборот.

Линцзюнь тщательно пересчитал флаконы и бережно разложил их по ячейкам своей сумки. Посмотрев на измождённого целителя, он негромко произнёс:

— Набирайся сил. На поле боя от тебя сейчас всё равно проку мало. Я сам всё доставлю и вернусь за тобой. Только из хижины — ни ногой. Чужакам сюда ход заказан, так что внутри ты в безопасности.

— Не стоит, — слабо возразил Уцзю. — Ты ведь мастер боевых искусств, негоже тебе отсиживаться в стороне, когда другие проливают кровь. Ещё судачить начнут...

— Пусть болтают что хотят, мне плевать, — отмахнулся Линцзюнь, направляясь к выходу. — К чужому строительству у меня душа не лежит.

С этими словами он затворил за собой дверь.

Уцзю лишь вздохнул ему вслед.

Оставшись один, Уцзю попытался уснуть, но усталость словно рукой сняло. В голове крутился сумбурный рой мыслей: то мерещились тени безжалостных убийц, то перед глазами всплывало нежное лицо красавицы-лекаря, то эхом отдавались насмешливые предостережения Линцзюня.

И тут его осенило: главное-то дело он так и не сделал!

Ночь выдалась ненастной — безлунной и ветреной. Стибаясь под тяжестью пустой пока корзины, Уцзю вновь двинулся по едва заметной тропе вверх по склону. В крошечной тьме он почти ничего не видел, так что ориентироваться приходилось на ощупь и по запахам. К изумлению самого себя, за ночь безумного блуждания по скалам он ухитрился набить корзину редкими травами до самого верху.

Линцзюнь всё не возвращался. Почувствовав неожиданный прилив сил, Уцзю с жаром принялся за алхимию. Стоило закончиться одному запасу ингредиентов, как он вновь уходил в горы. Весь следующий день прошёл в непрерывных трудах.

Оглядев забитый целебными эликсирами мешок, целитель с чистой совестью провалился в глубокий, безмятежный сон.

Наутро Линцзюнь так и не объявился. Впрочем, Уцзю за него несколько не тревожился. Подхватив свои припасы, он поспешил обратно в город. Пора было открывать лавку.

Деньги! Ему позарез нужны были деньги.

Тем временем Линцзюнь держал путь из Столицы в Чанчжоу. Вся дорога так и гудела от слухов

о недавнем штурме Башни Феникса. Обыватели спорили до хрипоты, смакуя каждую подробность и привирая на ходу. От этого неумолчного шума он лишь брезгливо морщился — стоило выйти в люди, как на уши обрушивалась бесконечная лавина праздной болтовни.

Решив на обратном пути прикупить чего-нибудь вкусного к ужину, он неспешно шёл мимо торговых рядов и сам не заметил, как наткнулся на импровизированный прилавок Уцзю.

Линцзюнь склонился над ним, изумлённо изогнув бровь.

— Это ещё что за новости? — недоброжелательно поинтересовался он.

Уцзю, увлечённый бойкой торговлей, даже не взглянул на грозную мину друга. Он широко улыбался.

— Торгую! — радостно отозвался он. — И выручка отличная! Если продержусь так дней десять, как раз на свадьбу накопится.

Линцзюнь прищурился.

— Я, кажется, ясно просил тебя сидеть дома, — процедил он сквозь зубы. — Думаешь, солнце над головой помешает убийцам пустить тебе кровь?

— Да ладно тебе, здесь же кругом народ, побоятся, — отмахнулся Уцзю. — О, гляди, полдень уже. Пожалуй, пора сворачиваться. Братец Су, пойдём пообедаем? Я угощаю! В благодарность за твою заботу.

Приглашение звучало на редкость радушно и искренне.

Линцзюнь собирался было вспылить, но его гнев внезапно сменился хитрым прищуром. Он приторно и благосклонно улыбнулся.

— Что ж, не откажусь, — заговорщически промолвил он. — Чур, заведение выбираю я. Согласен?

— Идёт! — без задней мысли согласился Уцзю.

Спустя час, покидая порог роскошного столичного ресторана с долгом в пятьдесят серебряных монет, Уцзю готов был собственноручно придушить своего спутника. Проклятый братец Су умудрился заказать самые дорогие деликатесы!

Сам же Линцзюнь, неторопливо утирая губы шёлковым платком, с довольной миной шествовал

чуть позади.

И напоследок, окончательно добивая бедного лекаря, весело подмигнул:

— И не забудь поскорее вернуть должок. С тебя ровно пятьдесят серебряных.

<http://bllate.org/book/18276/1772302>